

Глава 98. Суд Круглого стола

Темно-пурпурная пола плаща скользнула по сиденью стула.

Раймонд на мгновение замер, прежде чем сесть. В его облике сквозила скованность.

— Господин Лос, кажется, моё появление здесь не стало для вас неожиданностью. Однако я всё же должен объяснить: я вовсе не собирался бежать от ответственности или выказывать пренебрежение к законам Мейна. Просто мисс Юри — лгунья, чьим словам нельзя верить ни на грош...

Ли Цзяньчуань бесцеремонно оборвал его:

— А разве вы — нет?

Раймонд оцепенел и медленно поднял голову.

Они находились в той самой комнате, где встретил свою смерть Джонс. На полу всё ещё белел меловой контур тела. Темно-пурпурная люстра под потолком источала мертвенно-бледный свет, который падал на серую обстановку, отбрасывая тяжелые, мрачные тени.

Ли Цзяньчуань с небрежным изяществом прислонился к краю стола. Его широкие плечи и длинные ноги были расслаблены, а в глубине серых глаз мерцала холодная, испытующая усмешка:

— Вы прекрасно всё понимаете, господин Раймонд. Это не только не нарушает «наших» правил, но и полностью им соответствует. В конце концов, когда-то вы сами извлекли из них немалую выгоду, не так ли?

Лицо Раймонда мгновенно осунулось, став болезненно-бледным. Он натянуто скривил губы, бегая глазами по сторонам, и больше не пытался возражать.

Одной этой реакции Ли Цзяньчуаню было достаточно. Его догадки подтвердились.

Он негромко постучал по краю стола. Его голос, до этого резкий и напористый, смягчился, приобретя обманчиво будничные интонации:

— Я знаю, что бухгалтерская книга Джонса припрятана где-то в твоём салоне, Раймонд. Где она?

— Ч-что? — Раймонд вздрогнул, в его глазах промелькнул испуг.

Ли внимательно следил за переменами в его лице. Сначала — мимолетное напряжение, которое тут же сменилось весьма убедительной маской растерянности и недоумения.

В коридоре слышались приближающиеся шаги.

Ли Цзяньчуань едва заметно улыбнулся:

— Ничего. Мне очень нравится этот гадальный салон.

— Вы говорили то же самое восемь лет назад, — осторожно пролепетал Раймонд.

Едва он договорил, дверь, закрывшаяся лишь мгновение назад, снова распахнулась. На пороге появилась старая знакомая Ли Цзяньчуаня — леди Мофи в темно-красном платье и изящном меховом палантине.

Она держалась с безупречным достоинством. Обведя комнату взглядом, леди Мофи едва заметно кивнула Раймонду и перевела взгляд на Ли Цзяньчуаня.

— Давно не виделись, леди Мофи, — улыбнулся Ли.

— Не так уж и давно, господин Лос, — ответила она, присаживаясь на крайний стул. Сняв шляпку, она вопросительно выгнула тонкую бровь. — Я слышала, с господином Джонсом произошел несчастный случай. Это правда?

— Пожалуй, этот вопрос стоит адресовать вам, леди Мофи.

Прежде чем Ли успел вставить слово, из коридора донесся угрюмый голос, и в дверях показалась новая фигура. Это был Зак — в строгом костюме, застегнутом на все пуговицы. Епископ справа собственной персоной.

Его пронзительный взгляд, подобно острому шилу, впился в Ли Цзяньчуаня. Усмешка на губах Зака была ледяной:

— Прокурор Лос, боюсь, вы не сможете ответить леди Мофи, верно? — Он медленно вошел в комнату, озираясь по сторонам. — Раздули такой пожар... Но насколько вы уверены в своем успехе?

— Не стоит так спешить, епископ, — Ли прищурился. — Когда соберутся все, кто должен, и ваши сомнения, и мои вопросы разрешатся сами собой. Я создал для вас идеальные условия, чтобы распутать этот узел. Разве вы не рады? Или... вы боитесь, что я воспользуюсь «Вакуумным временем» и опережу вас?

Зак презрительно фыркнул, мельком глянув на испачканные перчатки Ли:

— Дешевая провокация. На меня это не подействует.

— Дайте-ка угадаю: гадатель Раймонд, леди Мофи... Вы разослали приглашения всем, кто причастен к суду? Или, вернее будет сказать, всем, кто связан со Станцией юридической помощи? — Глаза Зака лихорадочно блеснули, он впился в Ли Цзяньчуаня острым, как бритва, взглядом.

— Думаете, попытка раскрыть карты прямо сейчас застанет меня врасплох? Ошибаетесь, Король. С момента гибели Андре прошло уже больше десяти часов. Неужели вы полагали, что всё это время я сидел сложа руки, метаясь как безголовая муха?

— Вы не получите того, за чем пришли, Король.

Зак с издевкой склонил голову набок и вольготно устроился на стуле в центре комнаты. Его взгляд был темным и спокойным.

Поведение Епископа слева удивило Ли. Оно разительно отличалось от той вспыльчивости и порывистости, что Зак демонстрировал за Круглым столом. Впрочем, это не могло сбить Ли с толку.

С приходом Зака в комнате воцарилась гнетущая тишина. Воздух, казалось, стал густым и неподвижным.

Бом... Бом...

Гулкие удары колокола с центральной башни Мейна поплыли над городом, разрезая ночную тьму. Ровно восемь вечера.

Под этот звон в салон вошли последние гости.

Первая группа оказалась именно той, которую Ли и ожидал увидеть: детективы Боб и Джонни. Появление присутствующих не вызвало у них бурной реакции, лишь Боб, заметив Раймонда, недовольно нахмурился. Джонни же занял стул рядом с Заком и, едва сев, принялся что-то быстро шептать ему на ухо.

Вторая группа, появившаяся чуть позже, выглядела куда более странно. Это были Наннали и детектив Комон.

Зак при виде Комона не смог скрыть охватившего его раздражения и настороженности.

— Впервые встречаемся лично, господин Король, — произнес Комон, подходя к Ли Цзяньчуаню для рукопожатия.

Ли скользнул взглядом по улыбающейся Наннали:

— И впрямь впервые, господин Преторианец. Вы пришли вместе с мисс Наннали?

Вторую часть фразы он адресовал Комону, но смотрел при этом прямо на девушку. Наннали непринужденно ответила:

— Я увидела детектива Комона на углу улицы, вот мы и решили зайти вместе...

Хватка Комона на руке Ли чуть усилилась. Его узкие, по-ястребиному зоркие глаза опасно сузились:

— Подозреваю, вам известно уже слишком многое, иначе вы бы не задавали таких вопросов. Однако я также знаю, что ни у вас, ни у епископа больше не осталось «Вакуумного времени».

— Так для чего вы собрали здесь всех этих людей?

Ли Цзяньчуань отпустил его руку, оставив вопрос без ответа. Но Зак, внимательно слушавший Джонни, внезапно вскинул голову и в упор посмотрел на Комона:

— В доме Джонса нашли тело рыжеволосого мужчины, и это Андре... Кто же тогда погиб в том фургоне? Ты ведь знаешь, Преторианец!

В его голосе звучала непоколебимая уверенность. Леди Мофи, сидевшая неподалеку, едва заметно вскинула брови, будто о чем-то догадавшись.

Комон спокойно встретил взгляд Зака:

— Господин епископ, я, кажется, упоминал, что Магический ящик интересует и меня. А раз так, всё, что я делаю, направлено на поиск истины. И на то, чтобы помешать вам найти её первыми.

Лицо Зака потемнело.

Комон снял цилиндр:

— Не держите всех вокруг за идиотов, епископ. Уверенность Короля может быть подлинной, но ваша — чистой воды блеф. Мы с вами из одного теста — мы оба жульничаем.

Зак резко изменился в лице. Его взгляд стал ледяным:

— И ты думаешь, что победа у тебя в кармане?

Ли Цзяньчуань, не вмешиваясь, опустил глаза и посмотрел на экран телефона.

Комон покачал головой:

— Нет, конечно. Но признайте, епископ: сейчас из нас троих только я обладаю полной свободой действий. Вас наверняка мучает вопрос, как мне удалось сохранить «Вакуумное время»... Боюсь, вам так и не доведется этого узнать.

— Я прекрасно понимаю, что и вы, и Король, затеявший этот спектакль, пытаетесь выманить у меня последнюю козырную карту.

Он повернулся к Ли Цзяньчуаню:

— Должен признать, искушение велико, Король. Вы подготовили идеальную почву для разгадки, и мне трудно устоять. Но я отдаю себе отчет в том, что полная картина мне еще не ясна. Если я поддамся на ваши провокации и в порыве азарта потрачу время сейчас, игра действительно пойдет в тупик — именно так, как вы того хотите. И нам останется лишь ждать финала раунда, чтобы получить шанс на спасение.

— А я не считаю это хорошим исходом. Ни одна партия в Пандору не может длиться вечно. Мы все можем просто не дожить до конца.

Комон холодно добавил:

— Но я верю, что если вы двое перестанете путаться под ногами, я смогу распутать этот клубок и забрать Магический ящик. Разумеется, если вы поделитесь зацепками, я, так и быть, позволю вам уйти отсюда живыми.

— Нас осталось всего трое игроков. Не боишься, что я выберу немедленное завершение игры?

— Зак насмешливо вскинул бровь.

Комон одарил его многозначительным взглядом:

— Вы не сможете уйти, и я не смогу. Тот, кто выбрал путь обмана, теряет свободу в ту же секунду.

Тон Зака стал угрожающим.

Ли Цзяньчуань со стороны наблюдал за их перепалкой, и это зрелище вызывало у него странное, почти веселое чувство. Он понимал: и в глазах Зака, и в глазах Комона он сейчас — самая слабая фигура, чья угроза сведена к минимуму.

Когда Зак только пришел, он еще сомневался — использовал ли Ли свое «Вакуумное время». Но узнав, что Андре мертв, его Закон разрушен, а тело осталось в доме Джонса, епископ окончательно убедился: Ли пуст.

Комон лишь подтвердил эти мысли.

Без «Вакуумного времени» и без покровителей, помогающих жульничать, Ли Цзяньчуань, казалось, не имел права голоса в битве этих титанов. Вся его прежняя бравада и колкости теперь выглядели жалкими попытками сохранить лицо. Комон же, будучи единственным обладателем времени, чувствовал себя полноправным хозяином положения.

Но при этом Комон был крайне осторожен. Он не боялся признать, что пока не знает всей правды, но у него были средства, чтобы помешать конкурентам. Он долго оставался в тени, расставляя фигуры, и не собирался тратить свое преимущество, пока не будет уверен в победе на сто процентов.

Наблюдая за этой короткой схваткой, Ли Цзяньчуань окончательно понял, с чем имеет дело. Он просто поднял руку, призывая их к порядку.

— Не возражаете, если я сделаю один звонок?

Ли помахал телефоном.

Комон и Зак недоуменно нахмурились, переглянулись, но не успели и слова сказать, как Ли уже набрал номер. Гудок громкой связи был коротким — трубку сняли мгновенно.

Из динамика донесся холодный, чуть хриловатый голос:

— Добрый вечер. Могу я выбрать себе роль? Как насчет отсутствующей Королевы нашего Короля?

— Тишина? Видимо, мне здесь не очень рады...

Нин Чжунь негромко рассмеялся и вдруг произнес:

— Что ж, брат, возвращайся поскорее. И прими мой подарок — Вакуумное время!

Зак и Комон одновременно изменились в лице.

— Ты!..

— Еще один игрок? Невозможно...

Но как бы ни реагировали Зак, Комон или леди Мофи, знакомый черно-белый мир послушно накрыл комнату. Все звуки исчезли в одно мгновение, пространство погрузилось в мертвую, серую тишину. Мир застыл. Краски рассыпались под натиском непреодолимой силы, оставив лишь неподвижную игру света и тени.

— Это не совсем другой игрок, — Ли Цзяньчуань взглянул на экран телефона, погасший из-за потери сигнала в безвременье, и усмехнулся. — Если вам двоим позволено жульничать, то почему нельзя мне? Впрочем, я бы назвал это не жульничеством, а необходимой самообороной. Будь у этой игры экзаменатор, он наверняка оценил бы мое рвение.

— Сюрприз? — Он вскинул брови, глядя на потемневшие лица Зака и Комона.

Еще тогда, за Круглым столом, заметив влажный красный пион, Ли понял послание Нин Чжуня: тот не может явиться лично, но он рядом и готов вмешаться. Ли не связывался с ним, чтобы не выдать их связи, но Нин Чжунь понял всё без слов. Это было больше, чем просто взаимопонимание.

— Так ты тоже... — Грудь Зака тяжело вздымалась. Он криво усмехнулся, хотя его лицо постепенно обретало спокойствие. — Похоже, за этой игрой и впрямь стоит битва существ из иного мира. Значит, мы — всего лишь пешки?

Комон, чья маска высокомерного спокойствия окончательно дала трещину, ледяным тоном процедил:

— Ты знал обо всём с самого начала.

— Не совсем. Понял только что.

Ли по-прежнему непринужденно опирался на стол:

— Вы неплохо скрывались, Преторианец. Если бы не ваша оплошность на входе и эта излишне самоуверенная откровенность, я бы так и остался в неведении. Но вы совершили ошибку, решив войти вместе с Наннали.

— Она сказала, что встретила вас на углу. С другой стороны, это означает, что когда она туда подошла, вы уже стояли там. Вы не только что приехали — вы ждали в полной неподвижности.

— Почему же вы не входили?

— Зная Комона, я мог бы предположить, что он просто любит наблюдать со стороны, выжидая удобного момента. Но была и другая версия: вы пришли с кем-то еще, но побоялись войти вместе, чтобы не вызвать подозрений.

— Допустим, это звучит натянуто. Но слова Зака и Джонни подтвердили мои опасения. Видите ли, на каждом стуле здесь прикреплена одна маленькая вещица...

Разумеется, Ли пришел заранее и не с пустыми руками. Смастерить несколько простейших прослушивающих устройств за день было для него парой пустяков.

— Я слышал, что Джонни нашептывал Заку. Фургон у дома Джонса взлетел на воздух, верно? Водитель обгорел до костей, превратился в пепел — опознать невозможно... Всё это мелочи, если бы не одна деталь: анализ костей показал, что погибший был очень, очень стар.

— И кто же этот таинственный старик, погибший столь вовремя?

Ли Цзяньчуань чуть склонил голову, переводя взгляд на леди Мофи:

— Полагаю, реакция леди Мофи на это известие говорит сама за себя. Это был старый дворецкий из вашего поместья, не так ли, мадам?

— В кабинете Джонса я заметил на ковре странный блеск. Знакомый блеск. Я долго мучился, вспоминая, где его видел, пока не понял — это блестки, которые используют художники. У хозяина дома нет ни одной картины, вряд ли он рисовал сам. Андре, сидевший в засаде, был простым водителем и вряд ли увлекался живописью. К тому же, в кабинет заходили до меня.

— Единственный, кто мог это оставить — гость из поместья Мофи. Но юный Скотт мертв. Остались вы, леди Мофи, и ваш дворецкий, который постоянно заглядывал в мастерскую.

— Когда я вошел в дом прокурора, Андре был внутри. Чей же взгляд я чувствовал спиной, пока шел от фургона? Думаю, этот человек и тот, кто наследил в кабинете — одно и то же лицо. Андре следил за мной, а этот человек — за Андре. Он знал о каждом шаге Рыцаря.

— Очевидно, это не могли быть вы, леди Мофи — у вас бы не хватило сил на такую беготню. Это был старый дворецкий — человек почтенного возраста, но способный взлететь по лестнице без одышки.

— Старый дворецкий погиб в фургоне, и погиб в результате спланированного взрыва. Поймите, Зак не знал, что в машине не Андре, он бы не стал взрывать собственного бойца. Я этого тоже не делал. Остается только один игрок. Кто это сделал — очевидно. А вот каковы были его цели... Возможно, леди Мофи, вы прольете на это свет?

Лицо леди Мофи скрывалось в густой тени, оно было неподвижно, словно лик статуи, застывшей в безвременье.

Ли не удивился молчанию.

Он усмехнулся:

— Что ж, позвольте мне рискнуть и выдвинуть смелое предположение. Комон, наш господин Преторианец, в предыдущем раунде — в «Доме уединения» — столкнулся с той же картиной, что и мы. И там он заключил с вами, леди Мофи, какую-то сделку.

— Ваши картины могут влиять на Врата и Карточку для ответов, а значит, вы — сила, равная им. Заручившись вашей поддержкой, Комон обрел уверенность в том, что сможет забрать Пандору в этом раунде.

— И эта его уверенность... она до боли напоминает наглость Епископа справа. Знаете, есть такое выражение — «собака, лающая под защитой хозяина»?

Ли насмешливо вскинул бровь:

— Я не верю, что можно три раунда сидеть в тени, не собирая улики, а потом вдруг явиться и заявить права на победу. После «Дома уединения» поведение Преторианца изменилось слишком резко.

— Думаю, вы пришли в салон вместе. Но чтобы не вызывать подозрений, леди Мофи вошла первой, а Комон остался снаружи — приглядеть за остальными.

— К тому же, вы отдали дворецкого в его распоряжение.

— Комон отправил старика в фургон — шпионить за Андре. И он же воспользовался этим, чтобы прикончить его. Скорее всего, он хотел обрубить концы. Ведь в «Доме уединения» именно я больше всех общался с дворецким.

— Дворецкий мог стать для меня ключом к пониманию истинного Лоса. Комон понял это раньше меня. И хотя старик был ценным помощником, Преторианец предпочел избавиться от него, как только решил, что моё «Вакуумное время» потрачено на Андре.

— Были и другие причины, уверен, но эта — главная. Исходя из этого, господин Преторианец, осмелюсь предположить: в «Доме уединения» вы уже узнали, кто такой Фейден, инициатор всего проекта?

Ли перевел взгляд на Комона:

— Фейден — это и есть Лос?

Комон стоял молча, не проронив ни слова.

— Если уж взялся играть роль крысы, играй до конца. Ваше поведение совсем не делает вам чести, Преторианец, — Зак едко усмехнулся. — Я не такой, как вы. Я должен был сдохнуть еще в первом раунде, и эта жизнь — подарок судьбы. Будь у меня ваша удача, я бы сидел тише воды, ниже травы.

Комон одарил Зака ледяным взглядом. Ли тоже мельком глянул на епископа.

Сдохнуть в первом раунде? Похоже, некие силы спасли Зака в самом начале игры. Вероятно, ценой его жизни стало условие — убить Ли, иначе Епископ слева не выказывал бы свою ненависть так открыто.

Но зачем монстрам этой игры его смерть? Ведь они никогда раньше не пересекались.

Ли Цзяньчуань нахмурился.

В этот момент Комон сухо бросил:

— Удача? Счастливчики в такие игры не попадают.

Зак опешил и нахмурился:

— Эта партия в Пандору — самая сложная на моей памяти. Даже если бы все игроки были владельцами магических ящиков с опытом в три-четыре игры, сложность вряд ли была бы выше...

— Неужели так трудно? — спросил Ли.

Комон и Зак одновременно повернулись к нему. Ли, не дрогнув, продолжил:

— Вы бывали в «элитных» партиях, где у каждого есть по Магическому ящику? Значит, у вас тоже как минимум три магических ящика?

Зак долго всматривался в Ли, прежде чем ответить:

— Именно так.

— Я прошел сто двадцать раундов. Иметь три магических ящика — не такое уж достижение, — сказал Зак. — Вам стоило бы увидеть тех, кто в топе рейтинга. Настоящие дьяволы... Страшно представить, через какой ад они прошли.

Ли впервые слышал от других игроков — не считая Нин Чжуня и Се Чаншэна — оценку сложности и деталей игры. И хотя Зак говорил туманно, Ли удалось выцепить важные крупицы информации.

Прояснив позиции конкурентов и сковав их «Вакуумным временем», Ли Цзяньчуань позволил себе немного расслабиться. Он отбросил лишнее, сосредоточившись на главной загадке.

Седая прядь волос прилипла к его лбу. Ли задумчиво усмехнулся и под взглядами застывших противников заговорил:

— Господа, не надейтесь, что я просто тяну время. У меня есть версия событий. Логика — не самая сильная моя черта, так что давайте восстановим хронологию. Линию игроков и ту линию, что существовала здесь изначально.

— Сначала о пяти раундах Суда. Первый — письмо Рона. Второй — Серия убийств на Тюльпановой авеню. Третий — «Дом уединения». Четвертый — салон Раймонда. Что до пятого... он начался в ту самую секунду, когда мы оказались за Круглым столом.

— Именно об этом говорил мой Малыш, когда во втором раунде упомянул, что осталось еще два суда.

— Пять раундов — это искусственная надстройка, созданная с определенной целью. Это второй слой правды.

— А первый слой — то, что происходило на самом деле. Линия времени без внешнего вмешательства.

— Вся история охватывает восемь лет. Восемь лет назад Раймонд открыл свой салон. Семь лет назад он раскрыл дело о душевнобольных, и погиб господин Морк. Шесть лет назад умерла служанка Бекка. Пять лет назад погибла мисс Ил, было раскрыто Дело о похищении и торговле детьми, и в Деле об исчезновении школьного автобуса погиб маленький Скотт. Два года назад — Серия убийств на Тюльпановой авеню и дело Наннали. И, наконец, сегодня — смерть Джонса в салоне Раймонда.

— Согласно записям Лоса, хронология такова: восемь лет назад — 2001 год; семь лет — 2002-й; шесть лет — 2003-й; пять лет — 2004-й; два года — 2007-й; и наше время — 2009-й.

— Это и есть костяк реальных событий. И именно в этом времени мы находимся сейчас, за последней дверью Суда.

Ли Цзяньчуань поднял голову. Бледный свет люстры отразился в его серых глазах, где уже начал разгораться отчетливый синий огонь.

Ввалившиеся глазницы и растрепанные седые волосы придавали ему вид дикого, усталого зверя. Голос его звучал глухо, взгляд скользил по лицам присутствующих.

Леди Мофи, Зак, Наннали, Боб, Джонни, застывший Комон...

Лица NPC были неподвижны, но если присмотреться, в их чертах можно было уловить едва заметные перемены. Ли вдруг почувствовал, как в горле запершило — ему отчаянно захотелось закурить.

Это состояние — стоять посреди беззвучного, призрачного мира, владея истиной под прицелом множества глаз — вызывало у него странную смесь дежавю и отвращения. Словно он уже переживал нечто подобное тысячи раз, и каждый раз это заканчивалось невыносимой болью.

Ли нахмурился. Его разум погружался в состояние ледяной, почти механической ясности. Боль в висках стала острой, но мысли текли чисто и прозрачно.

— Восемь лет назад, в 2001-м, Раймонд только приехал в Мейн. Дела в салоне шли из рук вон плохо.

Ли продолжал говорить, и блокнот, найденный в доме Лоса, словно по волшебству вылетел из его кармана, мягко светясь в сумраке:

— Так продолжалось около года. К 2002-му Раймонд впал в отчаяние и уже собирался покинуть город, когда к нему явился человек по имени Фейден.

— В тот же год погиб господин Морк — он выпал из окна. После этого леди Мофи, желая избавиться от дурной славы своего дома, пригласила «талантливого» гадателя для проведения обряда. И этим гадателем, как несложно догадаться, был Раймонд.

— Очевидно, что сначала Раймонд прославился, раскрыв то дело о сумасшедших, и только потом его позвала леди Мофи.

— Можно сказать, что Фейден поначалу был один. Он искал инвестиции у господина Морка, но получил отказ. Я уже говорил: я считаю, что Лос и Фейден — это одно лицо.

— Признаю, доказательств маловато. Но всё указывает на то, что когда Морк погиб, ни Зака, ни Комона еще и в помине не было в поместье Мофи. А он — был.

— В конце раунда в «Доме уединения» я задал леди Мофи несколько вопросов. Судя по её

реакции, она действительно вложилась в проект Фейдена. И человеком, который позже вел с ней дела от лица проекта, был его помощник. Она фактически подтвердила это.

— Но кому леди Мофи дала деньги в самом начале, когда Зака еще не было? Я долго думал и пришел к единственному выводу: это мог быть только прокурор Лос — единственный человек, который так или иначе связан с ним и который неизменно, самым естественным образом, появляется в каждом деле. Все нити этих четырех судов сходятся на нем.

Ли самодовольно усмехнулся:

— В этот раз игра была ко мне милостива. Дать мне роль Лоса... пожалуй, это самая большая удача в моей жизни со времен того детского розыгрыша, где я выиграл пачку стирального порошка.

Он тут же посерьезнел и вернулся к теме:

— Лос и есть Фейден, инициатор этого «благородного» проекта.

Он произнес это как непреложную истину:

— А значит, когда господин Морк погиб, он был в поместье вовсе не случайно — прокурор пришел в последний раз убедить Морка. Но разговор не заладился. И тогда он заприметил леди Мофи — женщину слабую, запуганную мужем, но в то же время способную на безумство. Он решил сменить инвестора. Он помог ей избавиться от мужа, чтобы она получила поместье, и сделал её своей сообщницей.

— И, надо признать, план сработал блестяще.

— Леди Мофи получила свободу и дом, а он — нужные деньги. На эти средства он собрал вокруг себя толпу идейных безумцев и заложил фундамент своего проекта...

— Фундамент Станции юридической помощи.

<http://bllate.org/book/15871/1571750>